Н05

Н15-53

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРЕСТУПНОСТИ И ПРЕСТУПНИКА.

Д. ШЕПИЛОВ

АЛКОГОЛИЗМ И ПРЕСТУПНОСТЬ

98572

ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РСФСР
МОСКВА
1930

ОФ1953
389

Мособлит № 26024. Тираж 3.000.
Тип. Изд-ва НКВД. Москва, Новоспасский пер., 16. Зак. 1715.

I. Алкоголизм и преступность в капиталистическом мире

Одним из неустранимых пороков капиталистической системы, покоящейся на эксплотации и угнетении большинства меньшинством, является преступность. Головокружительный рост техники, накопление материальных ценностей, бурное развитие буржуазной культуры не залечили таких язв капиталистического общества, как нищенство, беспризорность, алкоголизм, проституция, самоубийства, преступность. Больше того, чем дальше развертывалась история буржуазного прогресса, тем все на более расширенной основе воспроизводились эти пороки капитализма, свидетельствуя собой, в числе других явлений, о тех глубочайших противоречиях, которые заложены в самой природе производственных отношений капиталистического строя. Колоссальное развитие производительных сил и периодические войны за овладение рынками сырья и сбыта, в кратчайший срок разрушающие ценности, создаваемые десятилетиями, накопление богатств и все большее обнищание трудящихся масс; рост хозяйства и—периодические кризисы, потрясающие весь организм капиталистической системы до основных его основ; развитие промышленности и все более быстрыми темпами нарождающаяся многомиллионная безработица, ведущая к деклассации и явлениям вырождения; расцвет науки, техники, искусства и оставление пролетариата, за счет эксплотации которого создана вся эта буржуазная культура, на положении класса, лишенного возможности пользоваться элементарными благами, накопленных человечеством знаний, предоставляя ему право приобщаться этим благам культуры лишь постольку, поскольку это способствует дальнейшему выколачиванию из него барышей—новы противоречия, разъедающие буржуазное общество. Чем дальше шествует по историческому пути буржуазная цивилизация, тем острее становятся эти противоречия,

II. Причины алкоголизма и алкогольной преступности в РСФСР

Если такие социальные явления, как преступность и алкоголизм, являются неизбежными спутниками, внутренне присущими капитализму и развивающимися по мере развития и углубления противоречий всей капиталистической системы, то совершенно иначе ставится проблема, когда мы подходим к рассмотрению тех же явлений в условиях Советского Союза—страны строящегося социализма.

Коренная разница в постановке этой проблемы в отношении Советского Союза заключается в том, что социально-экономический уклад государства диктатуры пролетариата покоится на принципиально качественно иных основах. Мы исходили из того, что первичным фактором преступности и алкоголизма в современных буржуазных государствах является самый капитализм, как таковой, зиждущийся на существовании частной собственности на средства производства. Поскольку эта первопричина разрушена Октябрьской революцией, ибо взорвана система капиталистической эксплоатации, свергнута буржуазия и господствующим классом стал пролетариат, постольку о таких социальных аномалиях, как алкоголизм и преступность, в условиях Советского Союза мы можем говорить лишь, как об аномалиях, являющихся результатом наличия у нас пережитков прошлого и экономических и культурных трудностей, связанных со строительством социализма в отсталой стране, т. е. как об аномалиях, остающихся жить лишь на определенный отрезок времени переходного периода.

Выше мы указывали на то, что рост капитализма сопровождался на всем протяжении истории его катастрофами, кризисами, войнами, влекшими за собой невероятнейшие лишения для трудящихся масс. Железные законы истории привели систему капиталистического хозяйства

к самоотрицанию, до грани загнивания. На ряду с поднимавшейся вверх кривой капиталистического хозяйства, мы констатировали, согласно указаниям Маркса и Ленина, падающую кривую экономического благосостояния масс. Совершенно иначе обстоит дело в условиях советского Союза, ибо здесь устранено коренное противоречие между производством материальных благ, находящихся в руках одного класса—пролетариата и распределением их, находящихся в руках другого класса — буржуазии. Творец материальных ценностей—пролетариат является одновременно и распорядителем их, гегемоном, господствующим классом, строящим социализм в союзе с основной массой крестьянства. Уничтожение капиталистической эксплоатации, бурное развертывание хозяйства темпами, немыслимыми для капиталистического мира, использование преимуществ плановой системы, все это ставится на службу основной цели —максимального удовлетворения потребностей трудящихся масс в пределах, возможных на данной стадии переходного периода. И если в условиях противоречий капитализма развитие техники становится орудием повышения эксплоатации рабочего и ухудшения его участи, то в Советском Союзе, напротив рост народного хозяйства сопровождается из года в год неуклонным повышением материального благосостояния трудящихся масс.

Само хозяйство, освобожденное от сковывавших его преград капиталистического общества, развертывается настолько бурными темпами, что в течение нескольких лет восстановительного периода не только достигнут, но и превзойден довоенный уровень. При чем происходило не простое восстановление хозяйства, а восстановление и реконструкция его на социалистической основе. Рост народного хозяйства и увеличение численности наемного персонала, сопровождается неизменным улучшением материального благосостояния последнего: (см. стр. 18).

О том, насколько колоссальные сдвиги произошли в области улучшения экономического положения советского рабочего по сравнению с довоенным временем, свидетельствует хотя бы такой факт, что уже в 1926—27 г. зарплата рабочих по всей госпромышленности (с начислением на соцстрах, культнужды и пр.) составляла 128,4% от довоенного, а в 1929 г. — 167%. Но дело не только в зарплате. Самые условия работы на производстве настолько коренным образом изменились, что принципиальное отличие от капиталистической фабрики явно очевидно. Одной из крупнейших реформ, направленных к дальнейшему улучшению материального и культурного уровня пролетариата, является введение 7-час. рабочего дня. „Введение 7-час. раб. дня — говорится в резолюции ноябрьского пленума

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

ных аномалий, как алкоголизм, отдельные виды преступлений начинает играть „фактор культурного порядка".

Долголетнее крепостное право, гнет царизма и буржуазии, нищета, в которой пришлось влачить существование трудящимся массам, наложили на склад русского рабочего и крестьянина свой отпечаток. Пьянство в условиях старого быта являлось для рабочего и крестьянина таким же неизбежным, как неизбежным было оно, по словам Энгельса, для английских пролетариев. Ликвидировать пьянство, ликвидировать пьяную преступность, это значит ликвидировать наследие прошлого, невежество, некультурность, т. е. изменить свою собственную природу. Но это изменение не происходит мгновенно; для этого нужна целая культурная революция. „Для нас же,—говорил Ленин,—эта культурная революция представляет неимоверные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурным, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база.)"

Десятилетие переходного периода оказалось недостаточным для того, чтобы ликвидировать наследие прошлого, чтобы цивилизоваться, как недостаточным является оно, чтобы догнать и перегнать передовые капиталистические страны в технико-экономическом отношении. С другой стороны, темп культурной революции отставал у нас от темпа революции хозяйственной. Разбуженный, после уничтожения гнета царизма, величайший порыв трудящихся масс к знанию, культуре, в силу необходимости мобилизации материальных средств для разрешения основных хозяйственных проблем, не мог быть в полной мере удовлетворен со стороны государства. Та же причина лишила возможности в кратчайший срок перестроить бытовую обстановку трудящихся. Она в значительной степени сохранила свой старый облик: жилищная теснота, неблагоустроенность самих жилищ, плохо поставленное общественное питание, отсутствие достаточно развитой системы учреждений для здорового отдыха трудящихся — все это такого рода факторы, которые обусловливали собой сохранение почвы для взращивания пьянства, пьяных дебошей, хулиганства.

В свете указанных обстоятельств становится совершенно понятным, почему на протяжении последних лет восстановительного периода по мере роста хозяйства, по мере улучшения материального благосостояния трудящихся масс, шел процесс интенсивного развития алкоголизма и связанных с ним видов преступности. Причина — в трудностях роста, в диспропорции между резко поднимающейся кривой хозяйственного благосостояния страны и трудящихся масс и отстающей кривой культурной революции, развертывавшейся

темпами, не обеспечившими пока коренной переделки бытовых условий трудящихся масс на новый социалистический лад и полного удовлетворения культурных запросов этих масс [1].

Алкоголизм и связанные с ним отдельные категории преступлений в наших условиях это—своего рода „издержки революции", не ликвидированное еще наследие прошлого.

---

[1] Вопрос о решающем влиянии диспропорции между ростом нашей экономики и состоянием культурного фронта на различного рода аномалии и в первую очередь на развитие алкоголизма и связанных с ним видов преступности поставлен и развит в ряде работ тов. Герцензона. См. его: 1) „Борьба с преступностью в РСФСР", стр. 137; 2) „Основные черты современной преступности в РСФСР", журнал „Революция права" № 4 за 1929 г.; 3) „Современная преступность и алкоголизм". Журнал „Сов. Государство и Революция Права" № 3 за 1930 г.

III. Динамика алкоголизма и алкогольных правонарушений в РСФСР

Политика полного запрета продажи спиртных напитков в первые годы революции не привела к искоренению алкоголя из бюджета трудящихся, да и не могла привести, ибо изгнать из быта спиртные напитки это значит проделать культурную революцию.

Угрожающий рост самогоноварения, хищническое истребление на самогон десятков миллионов пудов хлеба, а также крайняя нужда в дополнительных ресурсах для вложения в народное хозяйство вынудили правительство стать на путь постепенной отмены запрета спиртных напитков. В 1921 г. допускается продажа виноградного вина, в следующем году—пива, затем—наливок и с августа 1925 г. декретируется продажа 40° водки. Снятие запрета повлекло за собой бурное наростание легального потребления спиртных напитков. Динамика потребления и соотношение с довоенным временем может быть представлена следующими данными:

Потребление спиртных напитков в СССР

	1913 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28	1928/29
Реализовано хлебного вина (в млн. вед)	88,5	13,02	32,06	42,77	46,0
Потреблено хлебного вина на душу (в ведр.)	0,69	0,13	0,22	0,28	0,30
Потреблено пива (в млн. вед.)	75,0	30,9	33,0	31,5	30,0

Цифры свидетельствуют о том, что с начала выпуска 40° и до 1928/29 г. потребление водки возросло в 2, 3 раза.

Довоенный же уровень далеко не достигнут. 1928 г. дает всего по водке 43,5% и по пиву 40% по отношению к 1913 г. Но эти цифры не характеризуют действительной высоты потребления алкоголя в настоящее время, ибо не включают в себя основного продукта потребления—самогонки.

РСФСР занимает в потреблении спиртных напитков в Союзе львиную долю—80—83%. Динамика проданного хлебного зина на одну душу населения по всей территории РСФСР рисует следующую картину.

Продано на одну душу в литрах:

1913 г.	24/25 г.	25/26 г.	26/27 г.	27/28 г.	28/29 г.
8,61	0,48	1,85	3,20	4,06	4,18

Из этих цифр видно, что в течение трех лет душевое потребление водки возросло по РСФСР в 2,2 раза. Соотношение с довоенным временем показывает как будто благоприятную картину. Процент восстановления по водке составляет всего 48,5%. Однако совершенно иная картина получается при рассмотрении вопроса о потреблении всех спиртных напитков в целом. Потребление алкоголя по РСФСР в 1927/28 г. представляется тогда в следующем виде: потреблено —

хлебного вина 40° . . . . . 338,1 тыс. *ал.*
самогонки в переводе на 40° . . . . . 467,7 тыс. *ал.*
виноградного вина и пива в переводе на 40° . . 589,8 тыс. *ал.*

Общее количество спиртных напитков в переводе на 40° составит на душу 8,7 литра (0,71 ведер), а без пива и виноградного вина—8,11 литра (0,66 ведер.). В 1913 г. среднее душевое потребление по территории нынешней РСФСР составляло немного более 8,61 литра (0,7 вед). Таким образом, душевое потребление спиртных напитков в РСФСР в 1928 г. достигло уже довоенного уровня [1]. Как видно будет из дальнейшего, потребление алкоголя в городах значительно ниже довоенного. Потребление водки в сельских местностях также далеко от уровня 1913 г. Решающую роль в деле восстановления потребления спиртных напитков до довоенных пределов сыграла самогонка, занимающая первое место в общей массе потребляемого алкоголя. При вычете самогонки душевое потребление алкоголя в Советской стране будет наполовину меньше по сравнению с дореволюционным периодом.

Уже один этот факт красноречиво свидетельствует о том, что алкоголизация населения является отнюдь не резуль-

[1] См. „Алкоголизм в современной деревне", изд. ЦСУ РСФСР, стр. 16.

татом политики правительства, а слишком крепко сидящими в нашем быту старыми навыками и болезнями, взращенными царизмом, которые толкают известную часть населения на путь использования нелегальной самогонки при недостатке или дороговизне казенной хлебной водки. С другой стороны, тот же факт подчеркивает все бесплодие запретительной системы, если она не сопровождается одновременно решительным улучшением быта трудящихся и мощным развертыванием культурной работы. Как видно из приведенных цифр, самогонка оказалась живучей и занимающей первенствующее место даже в условиях свободной продажи 40° водки. Совершенно ясно, что при запрете положение на алкогольном фронте не было бы более благополучным.

Не взирая на грозный предел, который достигнут в потреблении алкоголя, мы в этом отношении чрезвычайно далеки от передовых капиталистических стран. Если душевое потребление алкоголя в РСФСР составляет 8,7 литра, то во Франции, напр., в 1924—26 гг. (в переводе на 40°) потребление на душу равнялось 45,63 литра (3,71 ведра), в Англии—20,17 литра (1,64 ведра), т. е. в 3—5 раз выше. Не было бы безумием равняться в этом вопросе на „передовые" капиталистические страны. Напротив того, партией и правительством уже со всей остротой и категоричностью поставлен вопрос о постепенном свертывании выпуска спиртных напитков, решительном усилении борьбы с самогонокурением с целью полного изгнания из быта алкоголя во всех его видах.

Однако, анализируя пройденные годы восстановительного периода, нам важно отметить значительный рост из года в год душевой нормы потребления спиртных напитков, завершившийся восстановлением этой нормы до пределов довоенного времени.

Переходя к анализу связанной с алкоголем преступности, мы должны констатировать, что и в этой области наблюдается аналогичный процесс. На ряду с идущим значительными темпами развитием алкоголизма, росла и „пьяная преступность", т. е. преступления, совершаемые в состоянии опьянения. Динамика преступлений, совершенных в состоянии опьянения и в трезвом виде, может быть иллюстрирована таблицей о числе осужденных по листкам об осужденных, поступивших в ЦСУ РСФСР. (См. таб. стр. 35).

Приведенные цифры не могут претендовать на высокую доброкачественность. Сравнение с 1923 г. является весьма условным, ибо сведения за различные годы не отличаются одинаковой полнотой. Количество листков об осужденных, поступивших в ЦСУ РСФСР, на основе которых даны вышеприведенные цифры в 1923 и 1924 гг., было далеко не полным. И в последующие годы улучшение с по-

Число листков, поступивших в ЦСУ об осужденных в РСФСР.

Годы	Число листков об осужденных за преступления, совершенные		Число листков об осужденных на 10.000 населения за преступления, совершенные	
	в состоянии опьянения	в трезвом виде	в состоянии опьянения	в трезвом виде
1923 г.	100,0	100,0	1,2	31,1
1924 г.	253,6	222,4	2,9	67,9
1925 г.	251,3	120,5	2,8	36,0
1926 г.	810,9	140,3	8,9	40,9
1927 г.	1169,1	140,2	12,5	40,0
1928 г.	1731,8	173,9	18,2	48,4

ступлением листков происходило лишь постепенно: в 1925 г. количество поступивших листков в ЦСУ составляло примерно 64% от действительного числа осужденных, в 1926 г.—73%, 1927 г.—77%, и только 1928 г. приблизил количество поступающих листков к действительному числу осужденных—95,2%. Так что в эти цифры следует внести очень большой корректив, принимая во внимание неполноту листков в первые годы. Тем не менее вышеприведенная таблица хотя и с грубой приближенностью рисует основное направление развития „пьяной" и „трезвой" преступности. Темп роста преступлений, совершаемых в состоянии опьянения, во много раз превышает темп роста преступлений, не связанных с алкоголем.

Гораздо более правильную картину динамики пьяной преступности могут дать цифры об удельном весе числа осужденных, совершивших преступление в состоянии опьянения, в общей массе осужденных, т. к. здесь неполнота листков за отдельные годы не отражается на соотношении между первым и вторым видом преступлений.

Число осужденных за преступления, совершенные в состоянии опьянения, в общей массе осужденных (в %%)

1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.
3,6	4,2	7,9	17,9	23,9	27,3

Из таблицы видно, что число осужденных, совершивших преступление в состоянии опьянения, в общей массе

[1] Настоящая таблица и все последующие, за исключением особо оговоренных, составлена нами по материалам ЦСУ РСФСР, представленным Госинституту по изучению преступности НКВД. Многочисленная группа осужденных, состояние которых в момент совершения преступления осталось невыясненным („неизвестные"), при составлении таблиц отброшена.

осужденных наростало из года в год и при том чрезвычайно бурным темпом. На протяжении шести лет удельный вес „пьяных" преступлений возрос в 7 раз.

Характерным является то, что 1926, первый год свободной продажи 40° водки, дает резкое увеличение числа осужденных за преступления, совершенные в состоянии опьянения. Кривая пьяной преступности круто поворачивает в этом году вверх и в дальнейшем продолжает итти неизменно по линии под'ема. Если число осужденных за преступления, совершенные в трезвом виде, в 1926 г. по сравнению с 1925 г. осталось почти стабильным, то масса осужденных, к преступлению которых причастен алкоголь, возросла в течение года в 3 с лишним раза. Однако, было бы неправильным об'яснять рост указанных преступлений исключительно увеличением потребления алкоголя вне связи с более глубокими социально-экономическими причинами.

Общеизвестным является тот факт, что „пьяные" преступления это по преимуществу мелкие бытовые нарушения: оскорбления, побои, хулиганство, поножовщина и т. д. Если проследить динамику преступности в РСФСР на протяжении 1923—28 гг., то можно будет отметить следующие ее основные линии: под'ем преступности в 1924 г., резкое снижение в 1925 г., некоторый новый под'ем в 1926 г., продолжившийся до 1928 г. Наиболее значительный рост имели различного рода бытовые правонарушения, преступления против личности и должностные. Имущественная преступность, напротив того, колеблясь в отдельные годы, показывает тенденцию к снижению. Следует подчеркнуть, что преобладающая масса преступлений в РСФСР состоит из мелких бытовых деликтов, занимающих в общей массе совершаемых преступлений до 75—80%. Уровень тяжкой преступности у нас очень невысок.

Чем об'ясняется такое своеобразие кон'юнктуры преступности в РСФСР? Каковы причины роста преступлений против личности (на 34% в 1924—26 гг., 13% в 1927 г. и 23% в 1928 г.), некоторых видов преступлений против порядка управления (хулиганство, сопротивление власти и пр.) на ряду с ростом алкогольной преступности, при одновременном снижении преступности имущественной? Причина—в специфических чертах хозяйственного и культурного развития последних лет. Мы отмечали уже выше, что экономическое укрепление страны сопровождалось неуклонным ростом материального благосостояния трудящихся. Это благотворным образом сказывалось на имущественной преступности. Рост на протяжении последних лет преступлений против личности и установленного правопорядка, а также рост преступлений, совершенных в состоянии опьянения, с резким под'емом их, начиная с 1926 г., обусловли-

вался тем, что и в сфере экономической 1925 и 1926 гг. являются переломными годами. В эти годы валовая продукция народного хозяйства достигает довоенного уровня; продукция промышленности и сельского хозяйства также завершает стадию восстановления. Нищета, голод и нужды первых лет отходят в прошлое. По мере укрепления экономического благоденствия трудящихся масс все в более возростающей степени становится настоятельной задача перенесения центра тяжести внимания на культурный фронт.

„Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной"—писал Ленин еще в 1923 году. Но революция в быту, темпы развертывания культурно-просветительной работы шли недостаточно интенсивно. Идеология всегда плетется в хвосте за экономикой. В равной степени и здесь перевоспитание человека, переделка им своей собственной природы, происходили неизмеримо медленней переделки сил материальных, производственных. Трудящийся советской страны, вступая в новую эпоху реконструктивного периода, сохранил в значительной степени, если можно так выразиться, культурный облик человека прежней эпохи. Несоответствие бытовых навыков, унаследованных от прошлого и неизжитых в первые годы восстановления хозяйства, несоответствие самого бытового уклада и низкого культурного уровня новой эпохе, в которую вступила страна с началом реконструкции—с особой остротой сказались именно в эти переломные годы. Новые темпы работы, новые темпы всей жизни страны, напряженность всего развития пред'явили требования и на нового человека, социалистически-культурного, по-новому организованного, обученного, освободившегося от всей грязи, унаследованной от прошлого. Наступление новой, социалистической культуры в ее базисе, в виде мощной социалистической промышленности, индустриализирующейся и коллективизирующейся деревни на эти закиси прошлого; начатая перепашка старой бытовой почвы для выкорчевывания всего негодного, устаревшего и изжитого—порождали колоссальную ломку всего быта в самых его основах. Эта ломка сопровождалась одновременно и колоссальной творческой работой. Создается новый быт, формируется новый человек с иными взглядами, с иной моралью, иными запросами.

Но эта же ломка порождает и накипь, реакцию старого быта на развертывающееся наступление. Временный рост пьянства, преступлений против личности и правопорядка, вполне понятен именно на пороге реконструктивного периода, так же, как понятен рост контрреволюционных преступлений не в течение всех прожитых годов нэп'а, а в самый последний период, когда началось развернутое наступление

на частнокапиталистические элементы города и деревни. Казалось бы на первый взгляд мы имеем крайне парадоксальное явление: чем больше мы укрепляемся, чем сильнее становимся, тем яростнее сопротивляются враждебные нам классы, хотя шансы на победу у них все более и более падают. Это—последняя попытка врага отстоять свои позиции любыми средствами, в том числе открытыми террористическими актами.

Аналогичный процесс происходит и в области исследуемых нами явлений. Усиление пьянства и пьяных преступлений является результатом не того, что трудящиеся советской республики из года в год становятся менее культурными (мы имеем огромный рост культуры), а в силу большой живучести старых навыков, реакции старого на строящийся новый быт. Сила этой реакции зависит от того, насколько значительно внедряется новая культура в широкие слои трудящихся масс, т. е. насколько интенсивно развертывается культурная революция в соответствии с огромными запросами, пред'являемыми населением. Чем скорее и глубже перестраиваются материальные основы быта (жилище, общественное питание и пр.),ликвидируется бескультурье и невежество, создаются условия для здорового отдыха трудящихся, тем быстрее внедряется новая пролетарская мораль в сознание миллионов и тем менее остается почвы для взращивания бытовых болезней, унаследованных от прошлого: пьянства, хулиганства, поножевщины и т. д. Следовательно, сила развития и живучести исследуемых нами социальных аномалий зависит не только от причин об'ективного, но и суб'ективного порядка: от нашего внимания к культурному фронту, материальных затрат, вкладываемых в это дело, уменья серьезно, по-деловому подойти к разрешению задач культурной революции.

Опасность же отставания этого фронта, серьезные последствия, вытекающие из отставания „культурной надстройки" от „материального базиса", не всеми в достаточной степени осознаны. „В практической работе—писала т. Крупская—мы постоянно упускаем из виду то, на что так напирал Ильич, на что напирают сами массы. Мы упускаем из виду, что втягивание масс в социалистическую, экономическую стройку, требует громадного повышения культурного уровня масс".

Суммируя сказанное мы можем притти к следующему выводу: рост „пьяных" преступлений и интенсификация этого роста с 1925—1926 годов обусловливается теми же причинами, что и развитие алкоголизма: экономическим под'емом страны, сопровождающимся коренной ломкой старых бытовых устоев, наступлением социалистических элементов хозяйства и культуры на эти устои и ответной реакцией наступательному ходу культурной революции старого быта, крепко отстаивающего свои позиции, благодаря отставанию культурного фронта от фронта хозяйственного.

Несмотря на всю тревожность интенсивного увеличения преступлений, совершаемых в состоянии опьянения, следует отметить все же, что уровень „пьяной" преступности в советской стране ниже довоенного и далеко не достигает уровня передовых капиталистических стран. Различными исследователями удельный вес осужденных за преступления, совершаемые в состоянии опьянения, в царской России определялся примерно в 40—53% к общей массе осужденных; в европейских и американских государствах исследователи устанавливают цифру в 40—74%. Число осужденных за преступления, совершенные в состоянии опьянения в РСФСР, даже в самый рекордный 1928 г. равняется 27,3% к общей массе осужденных. Размер же потребления алкоголя по РСФСР, как мы видели выше, достиг довоенного уровня. Уменьшение пьяных преступлений в нашей республике, по сравнению с довоенным временем, об'ясняется безусловно той положительной работой по „переделке природы людей", которую проделала революция. Если пройденный путь в борьбе за новую жизнь оказался еще недостаточным для того, чтобы вытравить из быта пьянство, которое культивировалось и насаждалось веками, то он в значительной степени внедрил в сознание масс понимание того, что революционный правопорядок, установленный в республике, является порядком, ими самими созданным, завоеванным и охраняемым. Тем не менее нарушения этого порядка не исчезли еще совсем, они могут усиливаться в отдельные периоды, ибо старая „развращенность" и „испорченность" капитализмом, о которой говорил Ленин, далеко не изжиты.

IV. Алкоголизм и преступность города и деревни

Унаследованная от прошлого диспропорция между городом и деревней не ликвидирована в течение пройденных лет революции. Деревня разнится от города своим экономическим укладом, культурой и бытом. В области преступности, пьяной в частности, деревне и городу свойственны свои специфические черты, характерные особенности. Общеизвестным является факт, что коэфициент преступности в городах значительно выше, чем в сельских местностях. Большая экономическая нужда в городах, большая скученность жилищ, сосредоточение безработных и деклассированных, поставляющих кадры преступников и рецидивистов и т. д.—все это обусловливает относительно более высокую городскую преступность.

Данные, которыми мы располагаем, также подтверждают эту особенность городов как в отношении общей преступности, так и в отношении преступности, связанной с алкоголем. Однако, пьяная преступность городов и деревень указывает на ряд чрезвычайно характерных особенностей, вытекающих из специфичности укладов города и деревни в наше время.

Прежде всего, какова динамика общей и пьяной преступности в городе и деревне за последние годы? Цифры дают нам по этому поводу следующую картину (1925 г. взят за 100). (См. стр. 41).

Приведенная таблица указывает, во-первых, на общий рост преступлений, совершаемых как в пьяном, так и в трезвом виде, при чем первые растут во много раз быстрее. Мы подчеркиваем вторично, что и в данном случае цифры не дают точного отображения действительного положения, а указывают лишь основное направление развития обоих видов преступности. Принятие 1925 г. за сравниваемый является условным, ибо количество листков

Число осужденных в РСФСР за преступления, совершенные в состоянии опьянения и в трезвом виде в городе и деревне

Годы	Осуждено за преступления, совершенные			
	В состоянии опьянения		В трезвом виде	
	В городах	В сельских местностях	В городах	В сельских местностях
1925 г.	100,0	100,0	100,0	100,0
1926 г.	315,5	327,5	122,2	114,1
1927 г.	389,0	518,4	115,1	116,9
1928 г.	593,6	755,7	173,9	132,6

об осужденных в этом году составляет лишь 64% от действительного числа осужденных. Во-вторых, число осужденных за преступления, совершенные в трезвом виде, в городах несколько выше, чем в деревнях. В-третьих, на ряду с меньшим ростом преступлений, совершаемых в трезвом виде в деревне, последняя обогнала город по темпу роста пьяных преступлений.

Это более наглядно можно иллюстрировать сопоставлением процента осужденных за преступления, совершенные в состоянии опьянения, к общему числу осужденных (включая и осужденных, совершивших преступления в трезвом виде) по городу и деревне отдельно. Удельный вес осужденных за преступления, совершенные в состоянии опьянения, в общей массе осужденных показывает тогда следующую картину роста (в %%):

Годы	В городах	В сельских местностях
1925 г.	10,4	6,0
1926 г.	22,8	15,5
1927 г.	28,0	22,2
1928 г.	28,2	26,8

Число осужденных за пьяные преступления в городах по отношению к общей массе осужденных в городах возросло на протяжении четырех лет в 2 с лишним раза, в деревне же в 4 с лишним раза. При чем для города является характерным следующее: количество осужденных за преступления, совершенные в состоянии опьянения, после резкого скачка в 1926 году, обусловливаемого началом выпуска 40° водки, стабилизировалось и в 1928 г. показывает даже некоторое понижение числа осужденных против 1926 г. Деревня характеризуется неуклонным возрастанием

удельного веса осужденных за преступления, совершенные в состоянии опьянения. Из общей массы осужденных за преступления, связанные с алкоголем, большинство, в абсолютных величинах, падает на деревню, на долю которой в 1928 г. приходится 64,5% из общей массы осужденных; город дает 35,5%. При чем и здесь характерным является то, что доля города в общей массе лиц, осужденных за преступления данного вида, из года в год понижается за счет увеличения доли деревни.

Удельный вес города и деревни в общей массе осужденных за преступления совершенные в состоянии опьянения (в %%).

Годы	Число осужденных		
	Всего	Из них	
		В городе	В деревне
1925	100,0	41,2	58,8
1926	100,0	40,4	59,6
1927	100,0	34,4	65,6
1928	100,0	35,5	64,5

Однако, абсолютное преобладание деревни в массе осужденных за пьяные преступления не свидетельствует о более повышенном уровне участия деревни в указанных преступлениях. Такого рода соотношение об'ясняется численным превосходством сельскохозяйственного населения в стране. В общей численности населения города в 1924—28 гг. занимают всего 16—18%. В действительности город совершает преступления в состоянии опьянения значительно интенсивней, чем деревня.

Коэфициент осужденных в городе и деревне на 10.000 населения

Годы	Число осужденных на 10.000 населения за преступления, совершенные			
	В состоянии опьянения		В трезвом виде	
	В городе	В деревне	В городе	В деревне
1925 г.	6,9	2,0	60,9	31,1
1926 г.	20,7	6,4	69,6	34,9
1927 г.	24,4	10,0	63,2	35,1
1928 г.	35,3	14,3	90,3	39,1

Эта таблица, не дающая правильного отображения динамики городской и сельской преступности, ибо данные за 1925 и 1928 гг. несравнимы, верно отображает лишь соотношение между городской и сельской преступностью. Она свидетельствует о том, что трезвая преступность в городе в два с лишним раза и пьяная в два с половиной раза интенсивнее деревенской. Кроме того, таблица, указывая на более или менее устойчивую пропорцию между преступностью города и деревни, отмечает все же некоторую тенденцию к изменению соотношения между городом и деревней в сторону небольшого снижения высоты уровня первого по сравнению с последней.

На основе вышесказанного, можно сделать следующее заключение о динамике и соотношении преступности, связанной с алкоголем в городе и деревне. На протяжении последних лет мы имеем рост преступлений в городе и деревне как связанных с алкоголем, так и этой связи не имеющих, при чем темп роста преступлений, совершенных в состоянии опьянения, в огромной степени превышает темп роста преступлений, не связанных с алкоголем. Деревня, отставая от города по темпу роста преступлений, совершаемых в трезвом виде, по темпу роста пьяной преступности обогнала город. Удельный вес города в общей массе осужденных за пьяные преступления снижается из года в год за счет увеличения доли деревни. В абсолютных величинах деревня дает большее число осужденных за пьяные преступления. Относительно же пьяная преступность в городах в $2^1/_2$ раза выше деревенской.

Прежде, чем приступить к анализу причин, обусловивших своеобразие динамики и соотношения преступности города и деревни, необходимо установить, какие процессы происходили здесь в области развития алкоголизма, как шло потребление спиртных напитков в городе и деревне.

Потребление хлебного вина в РСФСР по городу и деревне

(в литрах на душу населения).

	1913 г.	1924-25 г.	25-26 г.	26-27 г.	27-28 г.	28-29 г.
По всей территории РСФСР	8,61	0,48	1,85	3,20	4,06	4,18
В городах	22,63	1,35	6,15	9,47	10,21	10,57
В сельских местн. .	6,51	0,29	0,98	1,97	2,71	2,70

Из таблицы видно, что потребление водки с момента выпуска 40° увеличилось по городу в 1,7 раза и по деревне в 2,7 раза. Таким образом, доля увеличения потребления деревни превышает среднюю республиканскую (2,2 раза), доля же города не доходит до нее.

Потребление водки по РСФСР как в городе, так и в деревне значительно меньше довоенного потребления. Процент восстановления в 28—29 гг. составляет по городу 46,7% и по деревне 41,4% к 1913 г. В довоенное время душевое потребление водки в городах в 3 с лишним раза превышало деревенское потребление, при чем столичные и крупные города отличались наибольшей высотой потребления. Такое же соотношение сохранилось и в после революционное время. В 1928—29 гг. душевое потребление городов превышает потребление деревень в три с лишним раза.

Приведенные цифры, давая правильную характеристику потребления водки в городе и деревне и уровня восстановления ее по сравнению с довоенным временем, не полностью отображают действительное состояние степени алкоголизации населения в данное время, т. к. не включают основного продукта потребления—самогонки. В отношении города, где роль самогонки ничтожна и она почти совершенно вышла из обихода, приведенные цифры не нуждаются в корректировании. Если даже к городскому потреблению водки в 10,3 литра на душу в 1927—28 гг. прибавить примерно 469 *тыс. гл* виноградного вина, переведенных на 40° алкоголь, то душевое потребление алкоголя в городах составит 13,4 литра, т. е. около 60% довоенного. Совершенно другая картина рисуется в отношении деревни, где казенное хлебное вино занимает не более одной четверти в общей массе потребляемых спиртных напитков и где основным продуктом потребления является самогон.

Материалы произведенного ЦСУ РСФСР обследования потребления спиртных напитков в современной деревне дают возможность установить действительную степень алкоголизации крестьянского населения и роль самогона. Итоги обследования представляют алкоголизм в современной деревне в следующем виде: общее количество пьющих хозяйств в деревне в 1927 г. составляет 84% и средняя годовая выпивка на двор равняется 54 литрам (4,4 ведра). Общая сумма крепких напитков составляет 7.804 тыс. гектолитров, из которых на долю хлебного вина приходится около 16.000 гектолитров (13 млн. ведер) и на долю самогонки 6235 тыс. *гл* (50 млн. ведер), а в переводе на душу населения это составит 9,3 литра (0,76 ведра). Таким образом, из 9,3 литра душевого потребления алкоголя 7,50 *л* падает на самогон. Если крепость самогона брать не в 40°, а в 30°, то в переводе на 40-градусный алкоголь, душевая норма снизится с 9,3 литра до 7,52 литра. Душевое же потребление спиртных напитков в деревне в 1913 г. равнялось 6,51 литра. Так или иначе деревня уже в 1927 г. по уровню потребления спиртных напитков перевысила

довоенные нормы на 20—30%. Основной причиной резкого повышения алкоголизации сельского населения, в такой степени интенсивного, что деревня перевалила довоенный уровень, является, следовательно, самогонка.

Взаимосвязь, а также воздействие развития потребления алкоголя на определенные категории преступлений, проступает наглядно из проделанного нами обзора изменения кривых потребления спиртных напитков и алкогольных правонарушений. Общая преступность в городе и деревне повысилась на протяжении четырехлетия на относительно небольшую величину. В области же преступности, связаной с алкаголем как в городе, так и в деревне, процесс развития является значительно более неблагоприятным. По мере увеличения душевого потребления спиртных напитков происходил интенсивный рост алкогольной преступности. Алкоголизация деревни проходила темпом в два раза превышающим городской. Соответственно этому темп нарастания деревенской алкогольной преступности шел значительно интенсивнее темпа городского. Количество осужденных в городах за преступления, совершенные в состоянии опьянения, в общей массе осужденных увеличилось за четырехлетие в два с лишним раза, в деревне же в четыре с лишним раза, тогда как в преступлениях, не связанных с алкоголем, деревня дает значительно меньшее увеличение по сравнению с городом.

Но было бы неправильным делать отсюда заключение о благополучии города в отношении алкоголя и алкогольной преступности.

Мы подчеркнули лишь отображение процесса воздействия потребления спиртных напитков на преступность в городе и деревне. Кривые развития того и другого явления в деревне указывают на большую неблагополучность ее по сравнению с городом. Тенденция самого развития в деревне более угрожающая, чем в городе. Но не следует забывать того, что хотя в городах довоенный уровень потребления спиртных напитков, в противоположность деревне, не достигнут на половину, процент осужденных за пьяные преступления также видимо ниже довоенного (28% против примерно 40% довоенного), мы все же сохранили еще старые унаследованные соотношения между городом и деревней в области потреблений алкоголя и алкогольной преступности. Городское душевое потребление водки в 3 с лишним раза превышает деревенское. То же самое и алкогольные правонарушения в городе в два с половиной раза выше, чем в деревне.

* * *

Анализ отдельных категорий и видов преступлений по городу и деревне свидетельствует о том, что основная масса

алкогольных преступлений, как в первом, так и во втором случае приходится на мелкие бытовые деликты. Преступления против порядка и против личности—вот основные категории пьяных преступлений. Затем следуют имущественные и должностные преступления. Из отдельных преступлений наибольший удельный вес в общей массе преступлений имеют следующие виды: хулиганство, сопротивление и оскорбление власти, удары, побои, насилия над личностью, оскорбления, телесные повреждения, т. е. преступления, коренящиеся в некультурности, в невежестве, старых обычаях и нравах.

Насколько велика роль алкоголя в деле развития некоторых преступлений как в городе, так и в деревне, свидетельствует тот факт, что отдельные категории преступлений стали буквально пьяными, ибо до половины общего числа их совершаются в состоянии опьянения. Это может быть иллюстрировано таблицей, характеризующей удельный вес осужденных за преступления, совершенные в состоянии опьянения, в общей массе осужденных по соответствующей группе. (См. стр. 47.).

Наиболее пьяной группой преступлений в городе является группа против порядка управления. Почти половина всех осужденных (47,4%) за правонарушения, обнимаемые данной группой, падает на лиц, вступивших на путь преступления в пьяном виде. Второе место занимают преступления против личности, на долю которых приходится 34,4%. Основная масса преступлений, обнимаемых этими двумя категориями, падает на хулиганство, оскорбление и сопротивление власти, побои, простые оскорбления и телесные повреждения.

В деревне наиболее пьяным видом преступлений являются преступления против личности, в числе осужденных за которые 37,3% приходится на долю лиц, совершивших преступление в пьяном виде; второе место занимают преступления против порядка управления, доля пьяных здесь доходит до 34,7%. Так же, как и в городе, массовыми для деревни являются различного рода мелкие деликты. Выше мы указывали уже на то, что большему темпу алкоголизации сельского населения соответствовал и значительно более высокий темп усиления пьяных преступлений. Эта особенность сказывается и на цифрах, характеризующих развитие отдельных групп преступлений. Так, напр., если число осужденных за пьяные преступления против порядка управления в городах на протяжении четырехлетия увеличилось в общей массе осужденных по данной группе в $3^1/_2$ раза, в деревнях это увеличение составляет более восьми; по преступлениям против личности возрастание по городу показывает в 1,7 раза, по деревне в 2,5 раза. Большее

Число осужденных, совершивших преступления в состоянии опьянения, по отдельным категориям преступлений

Группы преступлений	Город: Абсолютное число осужденных				Город: % осужденных, совершивших преступления в состоянии опьянения к общему числу осужденных			
	1925	1926	1927	1928	1925	1926	1927	1928
Против порядка управления	4179	24725	29328	40554	13,1	34,8	44,2	47,4
Против личности	2760	4112	5646	11179	25,2	30,7	35,8	34,4
Имущественные	2816	4427	5936	10172	8,2	12,3	15,3	17,0
Должностные	935	1156	1128	2012	10,2	11,3	12,1	12,9

Группы преступлений	Деревня: Абсолютное число осужденных				Деревня: % осужденных, совершивших преступления в состоянии опьянения, к общему числу осужденн.			
	1925	1926	1927	1928	1925	1926	1927	1928
Против порядка управления	4400	27898	51234	70231	3,9	16,5	24,5	34,7
Против личности	8065	16721	24100	37710	14,9	26,3	35,3	37,3
Имущественные	2633	7092	6994	10233	5,1	13,0	15,0	15,6
Должностные	917	1347	1400	3724	6,4	7,9	9,3	11,3

возрастание имеем мы и по группе имущественных и должностных преступлений.

Неравномерный рост алкогольных правонарушений по отдельным группам сказывается и на изменении удельного веса отдельных групп в общей массе осужденных за преступления, совершеные в состоянии опьянения. Изменения, происходившие в этой области на протяжении последних четырех лет, могут быть иллюстрированы таблицей. (См. стр. 48).

Мы приводили цифры, характеризовавшие, какие преступления являются наиболее пьяными, т. е. чаще совершаются в состоянии опьянения. Такими преступлениями по городам и сельским местностям оказались преступления против порядка управления и против личности. Настоящая таблица свидетельствует о том, что эти же две группы являются и по об'ему своему преобладающими. На их долю в 1928 г. приходится в городах 79,9% и в сельских местностях 88,4% всех осужденных по алкогольным правонарушениям. Имущественные преступления и должностные

Удельный вес отдельных групп осужденных в общей массе осужденных, совершивших преступления в состоянии опьянения

Группы преступлений	В городах				В деревнях			
	1925	1926	1927	1928	1925	1926	1927	1928
Контрреволюционные	0,1	0,0	0,0	0,0	0,2	0,0	0,0	0,0
Против порядка управления . . .	38,7	71,5	69,2	62,6	27,4	52,6	61,2	57,6
Против личности .	25,5	11,9	13,3	17,3	50,1	31,5	28,8	30,8
Имущественные . .	26,0	12,8	14,0	15,6	16,4	13,4	8,3	8,4
Должностные . . .	8,7	3,3	2,7	3,1	5,7	2,5	1,7	3,1
Прочие	1,0	0,5	0,8	1,4	0,2	0,0	0,0	0,1
Всего . .	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

не характерны для алкогольной преступности. Удельный вес осужденных за имущественные преступления упал по городам с 26,0% в 1925 г. до 15,6% в 1928 г. Такое же падение имеет место и в деревнях: с 16,4 до 8,4%. Должностные преступления в алкогольных правонарушениях занимают также небольшое место. Доля осужденных по этой группе упала на протяжении четырехлетия в городах с 8,7% до 3,1 и в деревнях с 5,7 до 3%. Однако, было бы совершенно неправильным считать, что алкоголь не играет никакой роли в деле интенсификации должностной или имущественной преступности. Из предыдущей таблицы мы видели, что процент осужденных, совершивших преступление в состоянии опьянения, возрос по имущественным преступлениям, по отношению ко всей массе осужденных, в городе в 2, а в деревне в 3 раза. Возрастание имело место и в отношении должностных преступлений. Достаточно указать на то, что такие, например, преступления, как поджоги, истребление имущества, совершаются преимущественно пьяными, чтобы существенное влияние алкоголя и в этих группах преступлений было бы совершенно очевидным. Снижение доли имущественных и должностных преступлений в общей массе осужденных за алкогольные правонарушения, отнюдь не свидетельствует об уменьшении этих видов, а об'ясняется лишь настолько интенсивным ростом правонарушений бытового характера (хулиганство, побои и пр.), что этот рост снижает долю других групп.

Таким образом, основными преступлениями, наиболее благодатно взращиваемыми и в городе и в деревне, являются преступления против порядка управления и личности. Хулиганство, оскорбления, сопротивление власти, телесные повреждения, насилия над личностью—вот по каким путям устремляется пьяная преступность. Численно в меньшей степени

идет она по линии имущественных и должностных правонарушений: кражи, деревенские поджоги, дискредитирование власти, растраты и т. д. Но есть и другие виды преступлений, численно не имеющие большого веса, но являющиеся тяжкими преступлениями. К числу таких относятся прежде всего убийства и половые преступления. Достаточно указать и на то, что больше половины городских и деревенских убийств и более 40% изнасилований, совершаются в состоянии опьянения.

Пьяная преступность в городе и в деревне, это—проявление старой „рассейской" разухабистости, грубости, разнузданного молодечества—качеств, впитанных нравами крепостного права и солдафонского самодержавия, где грубость и скотское отношение к человеку считались качествами, вполне моральными.

Каковы причины, обусловливающие собой специфичность развития и алкоголизма и алкогольных правонарушений в городе и деревне?

* * *

Городской алкоголизм—это по преимуществу алкоголизм рабочих. Алкогольные правонарушения в городах—это в значительной мере болезнь рабочих. Статистика осужденных за преступления, совершенные в состоянии опьянения, показывает, что в 1927 г. 46,8% среди осужденных в городах составляли рабочие и 15,4% безработные. Поэтому при анализе причин алкоголизма и пьяной преступности в городах особого внимания заслуживает вопрос о причинах участия рабочих в указанных аномалиях. Какова прежде всего степень потребления спиртных напитков рабочими. По данным особой коммисии Совнаркома СССР в 1926—27 гг. около одной трети доходов государства от спиртных напитков получается с пролетариата. Сравнительные данные о потреблении алкоголя рабочими и служащими говорят не в пользу рабочих.

Акцизный доход со спиртных напитков на душу населения

(в рублях)

	1924—25 г.	1925—26 г.	1926—27 г.
Все не сельхоз. население . . .	3,92	5,51	7,47
Пролетариат	5,16	5,79	7,25
а) рабочие	6,03	7,71	11,19
б) служащие	5,48	4,74	3,83

Рабочие в городах пьют в 3 раза больше служащих. На среднюю рабочую семью в 4 ч. уже в 1926—27 г. при-

ходилось около 45 рублей акцизного алкогольного дохода в год. В 1928—29 гг. эта сумма увеличилась примерно на $^1/_3$, доходя до 60 р.[1]. Насколько значительным темпом возрастало потребление алкоголя рабочим населением городов свидетельствуют данные бюджетных обследований ЦСУ СССР. По этим данным душевое потребление алкоголя в переводе на 40° возросло на протяжении 4 лет в 7,9 раз.

Душевое потребление спиртных напитков рабочими.[2]

	XI—1924 г.	XI—1925 г.	XI—1926 г.	XI—1927 г.
Всего бутылок	0,223	0,595	0,636	0,887
Тоже в пареводе на 40° крепости	0,065	0,263	0,359	0,515

Рост реальных расходов на спиртные напитки рабочих значительно превосходит рост общей величины расходов и всех других расходов в бюджете. Общая величина расхода рабочей семьи по данным бюджетного обследования с 1922 по 1927 г. возросла в реальном выражении на 82%. Расход же на спиртные напитки за это время увеличился со 100 в 1922 г. до 1760,0 в 1927 г.

Движение реального размера расхода рабочей семьи на спиртные напитки

(в %% к 1922 г.)[3]

	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 т.	1927 г.
Расход на спиртные напитки .	100,0	166,7	466,7	1222,3	1344,5	1760,0

Основным алкогольным напитком рабочих является хлебная водка. Виноградное вино и пиво, занимавшие до выпуска 40° водки первое место в общей массе алкогольных напитков, потребляемых рабочими, вытеснены водкой. Самогонка же почти совершенно изгнана из обихода.

Состав расходов на спиртные напитки (в %%)

	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Самогонка	9,5	3,7	0,7	1,1
Водка и водочные изделия	14,5	39,8	62,5	67,2
Виноградное вино	45,3	27,7	12,3	8,9
Пиво	27,4	19,6	16,3	15,6
Проч. и нераспределенный алкоголь	3,3	9,2	8,2	7,2
ВСЕГО . .	100,0	100,0	100,0	100,0

[1] Ларин, „Алкоголизм и социализм". ГИЗ, 1929 г., стр. 26.
[2] „Бюджеты раб. и служ., вып. I". Изд. ЦСУ, 1929 г., стр. 81.
[3] Там же, стр. 28.

Таким образом, наиболее крепкий напиток быстро завоевывал себе в рабочей массе господствующее положение.

Чем обусловливалось усиливающееся быстрым темпом потребление спиртных напитков рабочим населением? Те же ли движущие силы, которые порождают и взращивают пьянство пролетариата в капиталистических странах, о чем так ярко писал Энгельс, сохраняют эту болезнь в условиях страны Советов: голод, нищета, убийственные условия труда, беспросветность жизни, толкающая рабочего в кабак для того, чтобы на время забыться от всех тягот и житейских невзгод? Самый беглый анализ положения пролетариата свидетельствует о том, что безусловно не эти причины. Мы указывали уже на неуклонный рост экономического состояния пролетариата, значительное увеличение реальной зарплаты, возрастание его доли в национальном доходе, улучшение условий труда, выражающееся прежде всего во введении 7-часового рабочего дня и т. д. Специальные исследования в этой области подтверждают, что в наших условиях уровень достигнутого экономического благосостояния пролетариата не является фактором, обусловливающим собой усиление потребления спиртных напитков. Напротив того. Обследование бюджета рабочих семей по СССР свидетельствует о том, что в семьях с наибольшим заработком удельный вес расходов на алкоголь увеличивается.

Процент расходов на алкоголь по группам с различным заработком главы семьи[1]

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
до 20	20—30	30—40	40—50	50—60	60—70	70—80	более 80
ч. р.	ч. р.	ч. р.	ч. р.	ч. р.	ч. р.	ч. р	ч. р.
0,3	1,0	1,5	1,5	1,7	2,0.	2,0	2,8

Таким образом, не нужда, не материальные тяготы способствуют увеличению потребления спиртных напитков советским рабочим. В такой же мере и „беспросветность" существования, подавленность „пессимистические настроения" не играют и не могут играть никакой роли в наших условиях. Пролетариат как диктатор страны преисполнен величайшего творческого энтузиазма. Участие миллионных масс рабочих в управлении государством, в советах, в производственных организациях, кооперации, широко развертывающееся социалистическое соревнование, ударничество, работа в деревне, участие в переделке госаппарата и т. д.,—вот по каким руслам идет энергия класса-руководителя, строящего новое общество. Почвы для пессимизма,

[1] „Бюдж. раб, и служ.", стр. 81.

беспросветности, на которые указывал Энгельс, анализируя положение английских рабочих, не осталось с того момента, когда враждебный пролетариату строй был разрушен и хозяином положения стал сам рабочий класс.

Следовательно, решающими причинами и в отношении рабочих являются те, о которых мы говорили, анализируя общие причины алкоголизма и преступности в советской России: влияние старого быта и отставание в темпах культурного обслуживания масс.

Насколько сильны еще традиции прошлого даже среди рабочих, свидетельствует факт особой хронологии потребления спиртных напитков. В дореволюционное время наиболее интенсивное пьянство среди рабочих приходилось на время религиозных праздников. Поквартальное распределение потребления алкоголя среди рабочих показывает на то, что и сейчас наиболее пьяными периодами года являются периоды религиозных праздников.

Расход на алкоголь по кварталам у московских рабочих [1]

Годы	В червонных руб. на семью за 3 месяца				В %% к предыдущему кварталу			
	I янв. март	II апр. июнь	III июль сент.	IV окт. дек.	I янв. март	II апр. июнь	III июль сент.	IV окт. дек.
1925 г.	7,84	12,83	10,80	17,43	100	163,7	137,8	223,3
1926 г.	10,74	15,62	10,72	14,41	100	145,4	99,8	134,2
1927 г.	11,90	14,87	12,90	15,16	100	125,0	108,4	127,4
1928 г.	13,62	18,12	13,90	—	100	133,0	102,1	—

Наибольшие затраты на алкоголь, как видно из таблицы, приходятся на второй и четвертый кварталы—время рождественских и пасхальных праздников. Даже среди наиболее передовой культурной части пролетариата—московского—влияние старых, религиозных традиций не изжито еще совершенно. Распределение такого наиболее характерного вида алкогольной преступности, как хулиганство, по дням его совершения также указывает, что наибольшее число хулиганских поступков приходится на предпраздничные и праздничные дни [2].

Сила влияния старых традиций в значительной мере обусловливается тем, что мы не сумели еще радикальным образом улучшить материальные основы быта рабочих. Среди этих основ, как указывалось выше, не малая роль

[1] См. Н. Семашко „Алкоголизм и хулиганство", сб. Госинститута НКВД стр. 9.

[2] См. П. Михеев „Плановое хозяйство" № 6 за 1929 г. стр. 293.

в деле интенсификации алкоголизма принадлежит жилищным условиям. Данные бюджетных обследований дают право установить безусловную зависимость рабочего алкоголизма от жилищных условий: чем хуже жилищные условия, тем более увеличиваются расходы на алкоголь.

Расход на алкоголь в зависимости от жилищных условий.

Обследования	В семьях с жилплощадью на душу								
	До 4,0 кв. мет.			От 4.1 до 5,0 кв. м.			От 5,1 кв. м. и выше		
	Расход на алкоголь на семью			Расход на алкоголь на семью			Расход на алкоголь на семью		
	Абс.(ср. мес. расх. в червонных руб.)	В %/% ко всему расходу	Общ. месячн. расх. на 1 взросл. едока в бюдж. наборе	Абс.(ср. мес. расх. в червонных руб.)	В %/% ко всему расходу	Общ. месячн. расх. на 1 взросл. едока в бюдж. наборе.	Абс.(ср. мес. расх. в червонных руб.)	В %/% ко всему расходу	Обс. месячн. расх. на 1 взр. едока в бюдж. наборе
По годовому обследованию	5,49	4,0	1,81	4,91	3,3	2,05	4,12	2.9	1,97
По ноябрьск обследованию	5,22	3,6	1,90	4,30	2,8	1,92	3,79	2,5	2,10

Как видно из таблицы, материальная обеспеченность всех трех групп семей, выраженная в количестве бюджетных наборов, приблизительно одинакова. Однако, если взять долю расхода на алкоголь в группе с наиболее худшими жилищными условиями (1-я группа) за 100, то доля двух других групп представится в следующем виде:

Площадь на душу	Доля алкоголя в бюджете
До 4 метров	100
От 4 метров до 5 метров	78
Свыше 5	70,5

Более благоприятные жилищные условия показывают меньшие траты на алкоголь. Влияние жилищных условий настолько значительно сказывается на алкогольном бюджете, что оно парализует влияние другого фактора-материальной обеспеченности. Те же данные бюджетных обследований свидетельствуют о том, что максимальный расход на алкоголь имеют группы рабочих, менее материально обеспеченные, но находящиеся в наиболее худших жилищных условиях, тогда как при других обстоятельствах большая обеспеченность дает и большие траты на алкоголь.

Жилищная теснота благотворно влияя на развитие алкоголизма одновременно с этим порождает и благоприятные условия для различного рода бытовых „столкновений", выливающихся порой в преступные действия (оскорбления, побои и т. д.). Она же, при условии недостаточного культурного обслуживания, толкает в трактир, в пивную с их компанейскими оргиями, дебошами и бесчинством, нарушающими революционный правопорядок (хулиганство, оскорбление власти и т. д.).

Не материальные тяготы толкают советского рабочего к водке. Напротив того. Именно в силу достигнутого уже сравнительно высокого уровня экономического благосостояния пролетариата, в руках последнего остаются избыточные средства, которые после удовлетворения необходимого жизненного минимума могли бы итти на удовлетворение культурных потребностей. Однако, благодаря недостаточности культурного обслуживания, этот избыток направляется по такому вредному руслу, как алкоголь, не потому, что у рабочих нет культурных потребностей, а потому, что, как правильно указал тов. Рыков, „мы с вами не научились еще как следует эти потребности удовлетворять".

В самом деле, для иллюстрации достаточно привести справки о состоянии наших культурных и антикультурных организаций и учреждений в городах для того, чтобы картина отставания на культурном фронте представилась совершенно очевидной. В Москве, например, на каждые 10000 жителей приходилось:

Место продажи спирт. напитков	Клубов	Библиотек	Кино	Театров
4,5	0,81	0,36	0,22	0,13

Мест продажи спиртных напитков в три раза больше, чем клубов, библиотек, кино и театров вместе взятых [1]). В другой столице, центре индустриального пролетариата, в Ленинграде, в Володарском районе, количество и посещаемость культурных и антикультурных учреждений и организаций видна из сводки [2]. (См. стр. 55).

53 церкви и 11 клубов! 50 пивных 8 театров-кино! 58 винных магазинов и 11 красных уголков на фабриках и заводах! В свете этих цифр становится совершенно понятным факт резкого отставания расходов рабочего на культ-просвет. цели по сравнению с расходами на алкоголь, о чем свидетельствуют нам данные рабочих бюджетов.

[1] Дейчман, „Алкоголизм и борьба с ним", стр. 161.
[2] „Против алкоголизма", изд. „Прибой"., Ленинград, стр. 80.

Название организаций и учреждений	Количество	Приблизительн. посещаемость в неделю
Церквей	53	До 16.000 ч.
Синагог	3	„ 600 ч.
Сект	3	Свыше 1.000
Пивных	50	Свыше 40.000
Ресторанов	3	Около 3.500
Магаз. госспирта	6	—
Магаз. винных	58	—
Чайных и закус.—частных	43	Свыше 12.000
Столовых частных	6	Свыше 2.000
Столовых кооператив. (из них 5 с пивом)	12	Свыше 15.000
Клубов и домпросвет.	11	Около 8.000
Школ взросл. и общеобрз. курсов	7	—
Библиотек	6	Около 8.500
Театров и кино	8	Свыше 24.000
Красных уголков на предприятиях	11	Около 2.500
Красных уголков жактов	150	Около 5.000

Движение реальных размеров расхода семьи на алкоголь и культ.-просвет. цели (%% к 1229 г.)

	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Спиртные напитки	100,0	166,7	466,7	1222,3	1344,5	1760,0
Культ.-просвет. расх.	100,0	154,1	248,7	237,8	237,8	271,3

При возрастании расходов на культурно-просветительные цели в $2^1/_2$ раза, расход на спиртные напитки увеличился в $17^1/_2$ раз.

Аналогичную картину показывает изменение удельного веса алкогольных и культурных расходов в растущем расходном бюджете рабочих семей [1]).

%% расхода на алкоголь и культурно-просвет цели, к общему расходу.

	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
На спиртные напитки	0,4	0,4	0,9	2,1	2,4	2,8
На культ.—просвет. цели	1,2	1,6	2,0	1,7	1,7	1,8

При почти стабильном состоянии удельного веса расходов на культурно-просветительные цели, удельный вес расходов на алкоголь в увеличился в 7 раз. Правда, здесь

[1] „Бюджет рабочих и служащих" стр. 28.

нужно учесть, что известная часть политико-воспитательного обслуживания рабочих производится за счет государства без затраты особых средств со стороны самих рабочих. Но и при внесении этого корректива неблагополучие показателей бюджетов не подлежит оспариванию.

Неблагоприятное состояние потребления спиртных напитков среди рабочих подчеркивается сравнением с потреблением алкоголя служащими городов. Алкоголизм у служащих развит значительно меньше, чем у рабочих. По данным московских бюджетных об'следований потребление алкоголя в семьях служащих составляет только 24,6% к потреблению рабочих. Удельный вес расходов на алкоголь у служащих по Москве в 1927 г. в общем бюджете состовляет 0,8%, а у рабочих 2,7%. Культурно-просветительный расход к алкогольному, взятому за 100, составлял у служащих 350,5%, а у рабочих 71,2%; из 100 семей имели расход на алкоголь у служащих 40,7%, а у рабочих 77,4% [1].

Большая степень алкоголизации рабочих города вообще не нами дана. Она оставлена нам от прежнего социального строя и не могла быть ликвидирована в течение пройденного короткого исторического срока, ибо ликвидация ее, как и ликвидация алкоголизма вообще, предполагает необходимым переделку пролетариатом своей собственной природы, полное освобождение его от всей грязи, притащенной из старого мира, что не совершается мгновенно, переворотом, ибо „слишком цепки еще навыки, традиции и мораль прошлого, слишком много еще даже у передового коммунистического отряда строителей „родимых пятен" старого мира" [2].

Города, насчитывающие 18% населения республики, в общей массе алкогольной преступности занимают долю, значительно превышающую их удельный вес в населении.

Процент осужденных, совершивших преступления в состоянии опьянения в городах, к общей массе осужденных по городу и деревне.

Группы преступления	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.
Против порядка управления . . .	48,7	47,0	36,4	34,4
Против личности	25,5	19,7	19,0	22,9
Имущественные	51,7	38,4	45,9	49,8
Должностные	50,4	46,2	44,6	35.0

[1] Михеев—цит. соч. стр. 37.

[2] Ленин и воспитание нового человека „Рев. и культура", № 1 за 1928 г.

Тенденция снижения удельного веса города в общей массе осужденных видна из этой таблицы по всем группам преступления.

* * *

Выше мы указывали, что алкоголизация деревни проходила темпом, превышающим городской. На ряду с этим и рост алкогольной деревенской преступности шел значительно интенсивнее роста преступности городской. Чем обусловливаются такого рода неблагоприятные показатели в деревне? Они обусловливаются наличием диспропорции между культурным уровнем города и деревни. Всегда существовала пропасть между культурным уровнем города и деревни. Политика капитализма строилась на разорении трудового крестьянства, свирепейшей эксплоатации его помещичьей и кулацкой верхушкой. Под'ем культурного уровня в деревне не являлся задачей эксплоататорских классов, ибо на невежестве и темноте деревни здание самодержавия зиждилось более прочно.

Политика советской власти направлена к тому, чтобы ликвидировать диспропорцию между городом и деревней, в том числе и в области культуры, ликвидировать, как выражается Маркс, „идиотизм деревенской жизни". Но эта задача может быть разрешена лишь в течение долгих годов по мере развития производительных сил страны и сглаживания диспропорции между экономикой города и деревни.

Не взирая на то, что послереволюционная деревня значительными шагами идет по пути перестройки на социалистический лад, темп культурного развития ее отстает от темпа города. Бурное развитие социалистической промышленности определяет собой и более интенсивную переделку культурного облика городов. Деревня значительно отстает и раствор „ножниц" между культурным развитием города и деревни продолжает оставаться все еще очень великим. „Ножницы" могут быть иллюстрированы показателями. (См. стр. 58).

Культурное обслуживание деревни находится далеко не на высоте.

За последние годы мы имеем уменьшение числа таких центров культуры в деревне, как избы-читальни. Обслуживание трудящихся масс деревни таким пропагандистом, как кино, явно ничтожно: на деревню приходится менее половины всех киноустановок, количество посещений в год кино сельским жителем в 10 раз менее городского. Между тем, материальное благосостояние деревни возрастало из года в год. Экономический под'ем основных бедняцко-середняцких масс деревни создавал предпосылку для огромной тяги

Показатели культурного уровня города и деревни [1].

Культурные показатели	Город	Деревня
Грамотность населения по переписи 1926 г. . . .	82,0	34,5
Учащихся в школе 1 ст. на 100 детей в возрасте 8-11 л. (по данн. 1927 г.)	135,2	80,9
Учащихся в повыш. школе на 100 детей в возрасте 12—16 л.	30,5	2,5
Учащихся в повыш. школе на 1000 ч. населения (в 1928—29 г.)	37,6	4,2
На 100 ч. учащихся в начал. школе приходится в РСФСР учащихся в повыш. школе (1927/28 г.)	63,2	6,1
Учащ. в высшей школе соответ. отраслей профобразования на 1000 наемн. рабоч.	160	
на 10000 самод. населен. деревни		4
Учащихся школ ликбеза на 10000 неграм. . . .	188	173
Радиоприемников на 1000 населения.	185	4
Врачей на 10000 населения.	12	0,5
Лечебных коек на 10000 населения.	50,7	4,7
Охват детей дошкольн. контингента дошкольными учреждениями в РСФСР без АССР (1926—27 г.)	3,5	0,2

бедноты и середнячества к культуре. И отставание культурного фронта здесь сказывалось особо неблагоприятно по своим последствиям.

Одним из результатов этого отставания, „ножницами“ между значительным хозяйственным под'емом основных масс села и развертыванием культурного фронта, является интенсивное развитие алкоголизма в деревне. То, что именно этот фактор является одним из решающих, лучше всего доказывает то резкое расхождение в темпах алкоголизации города и деревни, которое четко обозначилось в последние годы. При восстановлении душевого потребления алкоголя в городах лишь наполовину по сравнению с довоенным временем, душевое потребление деревни превысило довоенный уровень. Что лежало в основе этого характерного расхождения?

Индустриализация страны, невиданный темп роста социалистической промышленности, создали базу и для более интенсивного развертывания культурного фронта в городе. Значительно более повышенная грамотность городского населения; серьезные успехи в деле улучшения труда; более широкий охват рабочих культурным обслуживанием, не взирая на всю недостаточность его с точки зрения соответствия

[1] А. Черных, „Культура в пятилетке“ стр. 67.

пред'являемому запросу; сдвиги, наметившиеся в области перестройки материальных основ быта,—все это такого рода факторы, которые действовали сдерживающим образом на развитие городского алкоголизма. Достигнутые успехи оказались недостаточными еще, чтобы ликвидировать дореволюционное соотношение между степенью алкоголизации города и деревни, сложившееся не в пользу города, недостаточными еще, чтобы кривую развития алкоголя направить к падению, но они уже решающим образом изменили тенденцию алкоголизации, характерную для дореволюционного прошлого. Восстановление современного городского алкоголизма лишь наполовину по сравнению с довоенным, в два раза более медленный темп развития алкоголизма в городе по сравнению с деревней и в два раза менее интенсивный рост алкогольной преступности в городах по отношению к деревне—есть результат той положительной культурно-бытовой работы, которую проделала в городах среди рабочего класса по преимуществу революция.

Обратные же тенденции деревни в области алкоголизма и алкогольной преступности в течение пройденных лет обусловливаются теми специфическими чертами, которые характеризуют советскую деревню. Не материальные тяготы, не обнищание бедняцко-середняцких масс, не нужды предопределяют собой в условиях советской деревни интенсивное развитие алкоголизма и алкогольной преступности. Из предыдущего изложения было видно, что напротив того процесс развития деревни шел по линии неуклонного возрастания доходов сельскохозяйственного населения, при чем возрастание шло по линии экономического под'ема бедняцко-середняцких масс крестьянства.

Четко выдержанная классовая налоговая политика государства, острием своим направленная против кулачества; хозяйственная помощь бедноте; рост кооперации; развитие госторговли и кредита; развитие социалистического сектора в деревне—все это вместе взятое при условии усиления руководящей роли пролетариата и пролетарского государства в деле восстановления и реконструкции сельского хозяйства обуславливало хозяйственный под'ем трудовых слоев крестьянства. Следовательно, фактор чисто экономического порядка не мог прямым путем действовать благотворно на развитие такого явления, как алкоголизм и связанные с ними виды преступности. Исследования по деревенскому алкоголизму доказывают, что здесь, как и в городе, не низшая стадия хозяйственного благополучия создает наиболее благоприятную почву для развития алкоголизма, а напротив: по мере большей экономической мощности степень алкоголизации усиливается. По данным обследования крестьянских бюджетов за 1925-1926 г. траты на спиртные на-

питки на душу в группах с различной мощностью по условно чистому доходу дают следующую картину:

Расходы на алкоголь в зависимости от доходов крестьянского хозяйства [1].

Группы	Траты на спиртные напитки (в руб.)	Группы	Траты на спиртные напитки (в руб.)
1) до 20 р.	 0,31	5) 80 — 100 р.	. . . 0,97
2) 20 — 40 „	 0,12	6) 100 — 150 „	. . . 7,78
3) 40 — 60 „	 0,30	7) 150 — 200 „	. . . 3,00
4) 60 — 80 “	 0,62	8) свыше 200 „	. . . 7,08

Только 2 и 3 группы несколько нарушают закономерность, остальные же группы дают очень четкую зависимость: чем выше доходность хозяйства, тем больше траты на спиртные напитки. Этот вывод подтверждается и данными комиссии Совнаркома СССР. Распределение акциза со спиртных напитков на душу населения в различных социальных группах деревни по этим данным рисуется в следующем виде:

Акциз на душу сельско-хозяйственного населения

(в рублях)

	1924—25 г.	1925—26 г.	1926—27 г.
Все с.-х. население	0,4	1,44	2,71
1) Пролетариат	0,56	1,49	2,60
а) рабочие	0,37	1,05	1,92
б) служащие	3,00	6,99	11,40
2) Хозяева	0,42	1,44	2,72
а) бедняки	0,14	0,45	1,82
б) середняки	0,43	1,40	2,58
в) предприниматели	0,77	6,14	11,39

Максимум трат приходится на группу служащих и предпринимателей; беднота расходует значительно меньше середняцества. Если хозяйственный под'ем основных масс крестьянства не мог являться фактором, благотворно воздействующим на развитие алкоголизма в деревне, ибо улучшение экономического положения вовсе не связано при всех обстоятельствах с неизбежным увеличением потребления алкоголя, то он стимулировал алкоголизацию в условиях резкого отставания культурного обслуживания деревни. Правильным по этому поводу является замечание т. Ларина: „Пьют не в меру плохой жизни, а в меру наличия свободных средств после удовлетворения определенного жизненного минимума. Чтобы уменьшить расход на алкоголь, надо прежде всего увеличить возможность усиления в жизненном минимуме тех его частей, какие идут на спорт, кино, украшения и увеличение удобств жилища и т. п.“[1]. О слабости усиления этих частей в жизненном минимуме может свидетельствовать такой факт, приводимый в тех же материалах о крестьянских бюджетах: из всех покупаемых промтоваров личного потребления на душу крестьянского населения приходится в рублях: на спиртные напитки 1,56 рубл., на книги, газеты и журналы—0,12 р., т. е. в 13 раз меньше. Если же взять весь расход на личные потребности в среднем на одну душу населения в рублях, то доля отдельных расходов будет такова: спиртные напитки — 2,49, курение 1,08, мыло и пр. парфюмерия — 0,88, мебель и посуда 0,82, учение—0,07, лечение 0,19.[2] Траты на алкоголь, таким образом, значительно превышают расходы на культурные потребности.

На 15 партс'езде в докладе о работе в деревне т. Молотов указывал: „Чего нехватает нам в настоящее время в деревне в связи с новыми задачами? Культуры и еще раз культуры. Буквально все в настоящее время упирается в деревне в недостаток культуры. К любой отрасли подойдите, наша некультурность, наша отсталость, а порой прямо дикость, не дают развернуть то новое, что имеется в деревне“. Эта отсталость и дикость сказывается в большой живучести старых форм быта, старых традиций. Если в передовом городе среди ведущего класса революции — пролетариата не изжиты еще навыки прошлого, то в культурно-отсталой деревне они чувствуются еще сильней. Веками воспитанная привычка топить свой досуг после тяжелого изнурительного труда в пьянстве и гульбищах сказывается и поныне. Крестьянин пьет спародически, но неуемно, бесшабашно. Религиозные празднества, свадьбы, крестины, похороны, т. е. все обряды, занесенные из старой Руси и не вытравленные еще новым социалистическим бытом, играют существенную роль в деле сохранения и развития современного алкоголизма в деревне.

Тов. Политов приводит следующее распределение потребления самогона крестьянством в 1925 г. по различным поводам:[3]

	На праздниках	На свадьбах	На базарах	Беспорядочно
Центр. черноз. область .	62,5	18,8	12,5	6,2
Белоруссия	40,0	40,0	10,0	10,0

[1] „Крест. бюджеты в 1925—26 г.“, изд. ЦСУ, стр 131.

[1] Ю. Ларин, цит. соч. стр. 104.
[2] Крестьянские бюджеты в 1925—26 г. Стр. 60.
[3] „Бюлл. НКЗдрава“ № 16 за 1926 г.

Влияние религиозных обычаев, как видно из этой таблички, сказывается особенно отрицательно. Сила старых традиций и морали прошлого здесь в деревне наиболее ощутима. И реакция старого быта на развертывающееся наступление социалистических форм хозяйства и быта особенно остра. Коренящаяся в дикости и отсталости деревни бытовая преступность: дебоши, побоища, оскорбления, поножовщина, т. е. весь комплекс нарушений, характерных для деревни, подхлестывается бесшабашным потреблением алкоголя. В условиях отставания культурного обслуживания пьянство наиболее благотворно унаваживает почву для роста специфических видов преступности.

Таким образом, диспропорция между степенью культурности города и деревни в сторону, неблагоприятную для последней, более крепкая живучесть старых традиций в крестьянском населении, недостаточность обслуживания неизмеримо возросших культурных запросов бедняцко-середняцких масс в условиях интенсивной ломки старых бытовых устоев и огромного сопротивления отживших форм быта и морали развертывающемуся наступлению — вот что определило собой более неблагоприятную тенденцию в области алкоголизма и алкогольной преступности современной деревни по сравнению с городом.

V. Алкоголизм и преступность в связи с полом

Общеизвестным является факт значительно менее интенсивного участия женщин в преступности по сравнению с мужчинами. Особое положение женщины в обществе — ее меньшее участие в производственном процессе, в общественной жизни, замкнутость в кругу мелочных домашних дел и т. д. — создают значительно меньше почвы для различного рода столкновений с установленным правопорядком.

Удельный вес женщин в общем числе осужденных в дореволюционной России колебался от 6,3% до 7,7% по общим судебным установлениям и от 12% до 17% по мировым судам. В РСФСР женская преступность в 5—8 раз ниже мужской. Что касается алкогольной преступности, то участие женщин в последней явно ничтожно и значительно ниже участия в преступности, не связанной с алкоголем.

Половой состав осужденных, совершивших преступление в состоянии опьянения

	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.
мужчин	96,6	97,4	96,4	97,4	97,2	97,3
женщин	3,4	2,6	3,6	2,6	2.8	2,7
всего . .	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Если сопоставить эти данные с цифрами, характеризующими участие женщин в общей преступности, то мы получим следующие данные. Удельный вес осужденных женщин в общей массе осужденных РСФСР равнялся: в 1923 г. — 15,5%, в 1924 г. — 16,3%, в 1925 г. — 15,3%, в 1926 г. — 12,7%, в 1927 г. — 12,9% и в 1928 г. — 15,9%. По алкогольной же группе % осужденных женщин не превышает 3,6%. В абсолютных величинах число осужденных, совершивших преступление в состоянии опьянения, колеблется у мужчин от 10.721 ч. до 186.845 ч.; у женщин же

VI. Динамика отдельных видов преступлений и социальный облик правонарушителей

Наиболее значительной группой преступлений, совершаемых в состоянии опьянения, являются преступления против порядка управления. Преступления, обнимаемые этой группой, крайне разношерстны и в подавляющем своем большинстве состоят из мелкого рода правонарушений, являющихся по сути дела проступками, а не преступлениями. Число таких тяжких преступлений, как напр., бандитизм, очень невелико. Решающим преступлением в группе против порядка управления является хулиганство, которое наиболее тесным образом связано с пьянством. Хулиганство представляет собой самый об'емистый вид преступности не только в группе против порядка управления, но и во всей преступности. На долю его в 1928 г. приходилось 14,2% всех осужденных в РСФСР. Ни одно другое преступление такого высокого процента в общей массе осужденных не имеет.

Это первенство хулиганских дел относится в равной мере и к преступлениям, совершенным в состоянии опьянения. Доля отдельных видов алкогольных правонарушений в общей массе преступлений, обнимаемых группой против порядка управления, представлена таблицей.(см. стр. 73)

Следовательно, больше 80% всех осужденных по группе против порядка управления падает на осужденных за хулиганство. Рост хулиганства на протяжении последнего четырехлетия был настолько интенсивен, что удельный вес остальных видов преступлений в группе против порядка управления относительно падал, не взирая на абсолютный рост некоторых из них. Как видно из таблицы, подавляющее число осужденных по исследуемой группе дают три вида преступлений: хулиганство, сопротивление и неисполнение законных требований власти и оскорбление власти.

Количество осужденных по отдельным видам преступлений к общему числу осужденных по группе против порядка управления (в %%)

Наименование преступлений	В городах				В деревнях			
	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.
Сопротивление и неисполн. закон. треб. власти . .	17,9	8,1	6,8	7,5	12,0	5,6	3,2	4,1
Лжедонос и лжесвидетельство . . .	0,9	0,2	0,2	0,2	1,0	0,3	0,1	0,2
Оскорбление власти	22,2	10,0	8,5	8,4	14,9	6,0	4,2	4,7
Присвоение власти	1,7	0,3	0,3	0,4	2,8	0,3	0,2	0,3
Самоуправство . .	1,4	0,4	0,4	0,6	1.5	0,6	0,8	0,5
Приготовл., сбыт и хран. спиртн. напитков	2,3	0,3	0,4	0,5	10,6	0,3	0,4	0,4
Хулиганство . . .	42,2	62,9	80,5	80,8	44,0	79,9	88,0	87,4
Прочие	11,4	17,8	2,9	1,6	13,2	7,0	3,1	2,4
Всего .	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%

Динамика осужденных, совершивших преступления в состоянии опьянения, по этим трем главенствующим видам представляется в следующем виде (1925 г. принят за 100)

	Город				Деревня			
	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г
Сопротивление и неисполнение закон. требований власти .	100	302	268	409	100	298	313	545
Оскорбление власти.	100	300	269	366	100	255	327	502
Хулиганство . . .	100	989	1138	1859	100	1150	2326	3168

Наиболее бурным темпом развивалось хулиганство, причем в деревне развитие это шло значительно интенсивнее, чем в городе. Подавляющее большинство лиц, осужденных за хулиганство, совершило это преступление в состоянии опьянения.

	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.
Всего осужд. за хулиганство в судах .	9882	73328	106381	139780
В том числе совершивших преступлен. в состоянии опьянения	3791	40462	65222	95569

Если отбросить лиц, состояние которых в момент совершения преступления не выяснено, то окажется, что свыше 80% приходится на осужденных, совершивших хулиганские

VII. Карательная политика в отношении алкогольной преступности

В предыдущем изложении мы установили, что алкогольные правонарушения в основном состоят из мелких бытовых преступлений, лишенных особой социальной опасности и совершаемых по причинам недостаточной культурности широких масс населения и живучести в быту старых традиций.

Как же проводилась борьба с этого вида преступностью? Насколько эффективны и рациональны были наши мероприятия, направленные в сторону изживания этого рода аномалий?

Мы не можем останавливаться здесь на мероприятиях материального и культурно-бытового порядка: повышение благосостояния трудящихся масс, борьба на культ. фронте, регулирование производства и продажи спиртных напитков и т. д. Значительные завоевания здесь несомненны. Не подлежат оспариванию также трудности и пробелы, которые имеются в этих областях. Все эти вопросы составляют задачу специального исследования. Мы хотим остановиться лишь на вопросе о репрессиях по делам о преступлениях, совершенных в состоянии опьянения.

Конечно, такое выделение этого рода преступности, при анализе карательной политики, является несколько искусственным, ибо нашему законодательству чужд принцип необходимости изменения репрессий в ту или иную сторону на основании того, что данное лицо совершило преступление в состоянии опьянения. Основным критерием при определении меры социальной защиты правонарушителю является для нас степень социальной опасности того или иного деяния в данный отрезок времени для социалистического государства и установленного им правопорядка. Нахождение лица в момент совершения преступления в состоянии опьянения не является и не может являться для

нас обстоятельством, обязывающим суд к смягчению репрессии.

Однако, поскольку алкогольные преступления имеют свои специфические черты, небезынтересным будет сопоставление карательной политики по делам о всех преступлениях, совершаемых в РСФСР и преступлениях, связанных с опьянением. В нашем распоряжении имеются статистические материалы о карательной политике судов по преступлениям, совершенным в состоянии опьянения за 1925—1927 гг. по пяти видам: сопротивление и оскорбление власти, хулиганство, удары и побои и все виды телесных повреждений. Материалы эти касаются 13.611 чел. в 1925 г., 63.165 чел. в 1926 г. и 98.803 чел. в 1927 г. или 48—74% всех осужденных, совершивших преступление в состоянии опьянения.

Применявшиеся судами меры социальной защиты по всем пяти видам преступлений, видны из следующей таблицы:

Меры социальной защиты по делам о преступлениях, совершенных в состоянии опьянения.

(Число осужденных в %%)

Виды репрессий	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Лишение свободы.	70,3	86,4	71,2
а) из них к условн. лиш. своб. .	22,6	10,3	6,3
б) из числа срочных—со строгой изоляцией.	2,9	1,9	0,3
Принудит. работы без лиш. своб.	20,7	8,8	11,9
Имущественные взыскания . . .	6,5	3,7	12,4
Общественное порицание	1,3	0,5	0,5
Друг. меры соц. защиты . . .	0,3	0,3	0,2
Освобождено от мер соц. защиты.	0,9	0,3	3,8
Всего	100%	100%	100%

Если сопоставить теперь эти данные с данными, характеризующими меры социальной защиты по всем преступлениям, совершаемым в РСФСР, вне зависимости от того,